

Комм. прав. - 1994. - Яв. - С. 1.
Умер собеседник
Данте

**Длился роман —
 длилась жизнь.
 Точка в конце
 романа стала
 предисловием
 к прощанию.
 Леонид Леонов
 умер два месяца
 спустя после
 публикации своего
 романа «Пирамида»
 и юбилея — в мае
 ему исполнилось
 девяносто пять.**

Леонов прожил не вечность, но тот век, который в истории человечества будет засчитан, как в армии, — год за два. Леонов стал профессиональным писателем в пятнадцать лет, написав «Легенду о Калафате» и сложную космогоническую поэму. В гражданскую воевал в Красной Армии, штурмовал Перекоп. К тридцати годам имел собрание сочинений, куда вошли романы «Вор», «Барсуки», «Конец мелкого человека», «Унтиловск». Ему хватило мужества уклониться от почетного задания Генриха Ягоды — он не поехал с другими писателями на Беломорканал воспевать подневольный труд.

Леонову, безусловно, везло в жизни: он был классиком и в то же время оставался всегда в тени происходящего. Но внешнее благополучие и олимпийское спокойствие — это лишь крохотная верхушка той пирамиды, какой была долгая жизнь Леонова.

Более полувека он нес тайную и тяжкую ношу своего романа, как несут в душе праведники некое божественное и невыразимое поручение. Он стойчески выносил околориторические слухи о том, что романа, якобы, нет, что от старика «ждать уже нечего».

Судорогой пробежала по России смена эпох, мы тонули

то в надеждах, то в тоске, а Леонов тем временем говорил с Данте, спорил с Гете, советовался с Шекспиром. Материалы для «Пирамиды» Леонов собирал с 1940 года, сел писать в 1962-м.

Множество людей жили и живут так, будто у них впереди вечность, но, кажется, только Леонов имел на это право и рассчитывал на него. И только он мог замахнуться на этот замысел — написать эпилог к Апокалипсису.

Когда Леонову было 28 лет, в одной своей повести он написал такой диалог, будто подслушанный сегодня:

«...— Пустяки, российский гражданин с песенкой вынесет все, чего не вынесет его Россия..»

— Мы вовсе не такие мученики или подлецы, как мы себе представляем... — возразил я, но она лишь засмеялась».

Нам еще предстоит стряхнуть пыль с леоновских книг и открыть для себя забытую глубину большого русского романа.

В детстве ему было видение: над мальчиком склонился Иисус, взмахнул рукой, благословляя.., но отчего-то не завершил жеста. Быть может, этот жест будет свершен сегодня.

Дмитрий ШЕВАРОВ.